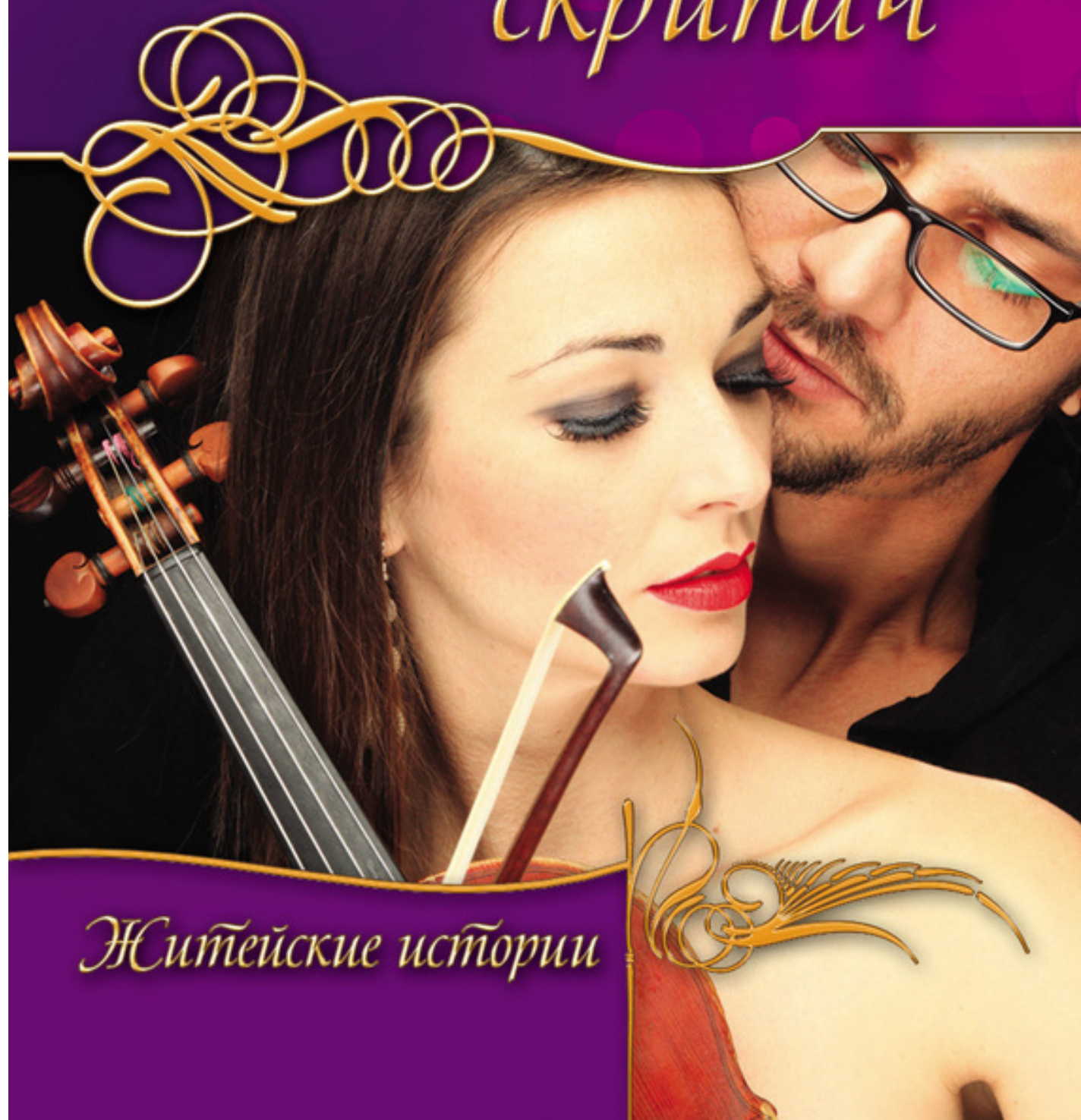

 Доктор
Юнна

Влюбленный скрипач

Жизненные истории

Житейские истории

Доктор Нонна

Влюбленный скрипач (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Нонна Д.

Влюбленный скрипач (сборник) / Д. Нонна — «Эксмо»,
2013 — (Житейские истории)

Саша, нежная и красивая еврейка-полукровка, воспитывала сына в одиночестве и уже не верила, что в ее жизни будет что-то хорошее. Но вдруг встретила этого трогательного мальчика. Лет на восемь младше ее, с тонкими запястьями и выразительными глазами, к тому же скрипача. Необыкновенный! Саша поняла это сразу же. Вот только откуда у этого юноши так много денег? Неужели он вмешался во что-то предосудительное?

© Нонна Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Блюдечко с голубой каемочкой	5
Пролог	5
Женя	6
1. «Чтоб мы жили, как в кино!»	6
2. Кухонный гарнитур	8
3. Второй шанс	10
4. Во чужом пиру похмелье	12
5. Новогоднее волшебство	15
6. Антикварное серебро	19
7. Что-то теряем, что-то находим	21
8. Возвращенная молодость	23
Света	28
1. Не хуже других!	28
2. Татьянин день	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Доктор Нонна

Влюбленный скрипач

Блюдечко с голубой каемочкой

Пролог

Нары оказались железными. Этого Яна не ожидала.

Нет, в отличие от большинства сверстниц она читала не только гламурные журнальчики. Точнее, гламурных журнальчиков она не читала вовсе – это было скучно, то ли дело – книжки. Герои некоторых книжек попадали в тюрьму, и там были нары: в Яночкиных представлениях – страшная угловатая конструкция из почти нестроганных занозистых досок. Кажется, это называется «горбыль».

В реальности конструкция оказалась действительно угловатой – сплошные выступы и ребра. Но не страшной, а вполне обыденной – вроде стеллажей в камере хранения. Но не деревянной, а железной. Крашенной какой-то унылой дешевой краской. И еще – очень холодной. Просто ледяной. Тонкая постель не спасала ни от углов, ни от холода. Девушке казалось, что за двое суток у нее промерз даже позвоночник.

Наверное, если встать и подвигаться, станет теплее, но Яночка словно впала в какой-то ступор, поднимая себя с ледяного железного ложа только тогда, когда резь в мочевом пузыре становилась совсем нестерпимой, – по нужде. Раньше она встречала это выражение только в книжках, так не говорили ни мать, ни бабушка Женя. Но сейчас простая телесная потребность становилась именно нуждой, тянущей и неумолимой. Единственная потребность, которой тело сигнализировало, что оно еще живо.

Еда Яну не интересовала. Плотный запах дезинфекции и мочи забивал горло, и от лязга алюминиевых ложек рот наполнялся вязкой горькой слюной. Когда сокамерницы звали девушку обедать, она только плотнее зажмурилась, упершись лбом в сжатые кулачки.

Впрочем, кроме как во время еды, ее не трогали: убийство – статья серьезная, да и следственный изолятор – не зона, тут нравы поспокойнее.

– Эй, ваше высочество! Жрать принесли! – одна из сокамерниц, громогласная Ольга, стучала ей в спину. – Вставай уже, хватит голодовку устраивать, никто не оценит.

Яна глубже вжалась в жесткий топчан, как будто спит, – только бы отстали. Но Ольга не унималась:

– Может, тебе завтрак в постель требуется? Чего изволите, госпожа? Птичьего молока? На блюдечке с голубой каемочкой?

С минуту Яночка крепилась, но слезы хлынули неудержимым потоком – неужели в человеке может быть столько слез? Она давилась ими, кусала кулаки – ничего не помогало.

– Эй, чего завывала? – засмеялась Ольга. – Обиделась, что ли? Так тут тебе не санаторий, цирлих-манирлих некому разводить, тут всем несладко. Да не вой ты! И в тюрьме люди живут. Тьфу! – Ольга сплюнула и отошла, бросив напоследок: – Психованная!

Яна до крови прокусила запястье, но рыдания продолжали сотрясать худенькое тело. Горло сводило судорогой. Да что же это? Да за что же это?! Если бы можно было заснуть, а проснуться уже, когда все кончится. Ведь должно же это кончиться! Что она, Яна, красивая и благополучная дочка успешной мамы, любящая и любимая, делает в этой холодной камере? Этого не может быть, вот она проснется и окажется дома, и все будет в порядке. А это просто страшный сон...

Женя

1. «Чтоб мы жили, как в кино!»

Можно бы уже и домой – рабочий день закончился. Но дома – одинокая комната в коммуналке, тени по углам и стекла дребезжат от пролетающих мимо трамваев. Да еще Анька со второго этажа как начнет свои гаммы да арии распевать, так до ночи и не замолкает. На дверной табличке готическими буквами – Анна Берзин, певица. Прямо Анна Герман, фу-ты ну-ты! На самом деле Анька – Березкина, но что это за фамилия для артистки? Хотя какая она там артистка – поет где-то по кабакам, и то редко, все больше дома упражняется, соседям на радость. И в стенку стучали, и по батарее, даже участкового как-то вызывали – бесполезно. Она же музыкант, тьфу! Тошная, как змея, честное слово! И волосы черные, гладкие, на макушке блестят, а ниже распадаются на узкие, тоже змеиные, пряди. Как пройдет по подъезду, запах тяжелых, терпких духов потом чуть не сутки держится. Артистка с погорелого театра! У нее-то квартира хоть и маленькая, но отдельная: когда в послереволюционном Питере господские апартаменты разгораживали на жилье поменьше, Анькиным то ли родителям, то ли деду с бабушкой повезло. Весь остальной подъезд с соседями живет: где две семьи в квартире, а где и пять.

У Жени, слава богу, только одна соседка, Валя. Родители Валины в блокаду погибли, замуж не вышла, так и кукует одна. О Жениной личной жизни все беспокоится: да как, да когда, да чего замуж не собираешься, у тебя там мужиков вокруг толпа, а ты все принца ждешь? Так и в девках недолго остаться.

Не то чтобы Женя и вправду принца искала, но хотелось, чтоб как в кино, чтоб сердце вздрагивало и дыхание перехватывало. Так мама говорила – «чтоб мы жили, как в кино».

Мамы не стало, когда Жене было четырнадцать: зимой, в гололед, поскользнулась – и виском о гранитный постамент, на котором до сих пор виднеются щербины от осколков и полустертая стрелка с едва заметной кривой надписью «бомбоубежище». Бабушка плакала: да как же это, блокаду пережили, войну пережили, Женечку-красавицу почти вырастили – и на тебе!

Впрочем, классической красавицей Женя не была. Хорошенькая, кудрявая, пухленькая – в школе ее звали «Пончик». А она ни капельки не расстраивалась, Пончик так Пончик. Мальчишкам нравится. Вон сколько желающих «портфель донести». То в кино зовут, то на танцы.

Может, надо было сразу после школы замуж выходить? Но бабушка – она после похорон единственной дочери не прожила и полугода – перед смертью все твердила: учись, внучка! Когда Женя поступила в университет – пусть не в Московский, но Ленинградский ничуть не хуже, – она думала, как гордилась бы бабушка, и старалась, старалась, старалась. После детства ей, как полагалось, выделили комнатку в коммуналке, вот эту самую, с соседкой Валею. Стипендии хватало разве что на макароны и серый хлеб, и Валя, у которой и самой-то золотых гор не было, частенько подкармливала «сиротку». Но ведь выучилась, справилась!

Диплом экономиста Женя получала в седьмую годовщину бабушкиной смерти, день в день. И – как в память о ней, о ее словах «настоящий мужчина должен носить форму» – пошла работать в воинскую часть. Поближе к «настоящим мужчинам».

На деле все оказалось не так романтично. Нет, Женя ни капельки не жалела о своем выборе: мужчина в форме – это... это правильно. И работа ей нравилась. И ухаживали за ней не меньше, чем в школе и университете. Но сердце все не вздрагивало, и дыхание не перехватывало.

Чайник задребезжал крышкой, грозя залить старенькую электроплитку – Женя отыскивала ее на нижней полке шкафа три, нет, почти четыре года назад, устраиваясь на первом в жизни рабочем месте. Надо же, когда это она успела чайник поставить, ведь домой собралась.

Женя привычно заварила чай, вдохнула запах и зажмурилась от удовольствия. Чай был настоящий английский, в красивой жестяной коробке с хитрой двойной крышкой. Коробку подарил майор Виктор Петрович. И печенье, что вкусной горкой красуется в фарфоровой мисочке, ее любимое курабье – тоже.

Она повертела в руках чайную коробочку и вздохнула. Наверное, надо было ему обратно все отдать, но и коробка уже початая, и от печенья половина осталась.

Надо же, как глупо все вышло! Потому и домой не хочется, там Валя пристанет – расскажи да Расскажи. А чего рассказывать! Женя его, майора, и всерьез-то никогда не воспринимала – он ведь старый! Ну... то есть... не то чтобы старый, ей и самой уже не семнадцать лет, но ему-то чуть не сорок! Вдовец, да еще с двумя мальчишками-погодками. Ну да, по три раза на дню норовит в ее кабинет заскочить, подарки всякие приносит вроде этого чая, в театр приглашает. Ну и что? Одиноким мужчина, скучно ему, почему бы не поболтать с красивой девушкой? Разве она против?

Вот и доболталась.

Вчера Виктор Петрович пригласил ее на ужин. К себе домой. Евгения уж теперь ругая себя ругала, разве можно взрослой девке быть такой дурой – даже приглашение домой ее не насторожило: что такого, там же дети. Тем более, не совсем уже и дети, подростки, младшему двенадцать, старшему тринадцать, большие уже.

Но Виктор Петрович сразу выставил мальчишек в детскую, и ужинали они вдвоем. Хозяин рассыпался перед гостьей мелким бесом: шутил, подкладывал кусочки повкуснее, подливал «Мукузани», гусарствовал – мол, жаль, шампанского не успел купить, вот бы сейчас из туфельки выпил...

Очень романтично.

После очередного тоста, едва утерев жирные губы, Виктор Петрович вдруг властно привлек Женю к себе. Она некстати подумала, что от ладони на блузке останется пятно, и – откуда и силы взялись – сумела бравого кавалера оттолкнуть:

– Вы чего это?

– Ты чего, дурочка? – возмутился кавалер. – Я тебе все на блюдечке с голубой каемочкой, а ты?!

Схватив сумочку и плащ, Женя пулей выскочила из майорской квартиры. Дома она проскользнула в свою комнату тихонько, чтобы не услышала Валя – ей ведь непременно надо знать, как свидание прошло. А рассказывать не хочется. Вот совсем не хочется. И сегодня точно прицепится. Лучше уж в кабинете посидеть, чаю с курабье попить, потянуть время.

В дверь тихонько постучали:

– Разрешите?

Два солдатика принесли позднюю почту. Один остался в коридоре, другой робко остановился у Жениного стола с тощенькой пачкой в руках: газеты, служебные письма, циркуляры. Коренастый, белобрысый – почему-то от армейской короткой стрижки у них у всех торчат уши, подумалось Жене – странно трогательный. Пока Женя разбирала почту и расписывалась в приходной книге, он делал равнодушное лицо, а сам все косился на мисочку с остатками курабье и сглатывал слюну.

Глаза у солдатика были голубые, как будто эмалевые.

– Звать-то тебя как?

– Саша... Рядовой Александр... – он опять сглотнул, так что фамилию Женя не разобрала.

Быстро завернув остатки печенья, она сунула их солдатику.

– С-спасибо, – он смутился, попытался пожать ей руку, как будто она не печенье, а орден вручала. Для полноты впечатления не хватало только бодро ответить: «Служу Советскому Союзу».

Ладонь у Саши была с твердыми бугорками мозолей, сухая и очень теплая.

Назавтра Женя под Валиным руководством – про неудачный романтический ужин пришлось наплести какой-то ерунды – нажарила блинчиков с мясом. Когда она с самым независимым видом зашла в казарму, Саша мыл полы. В гимнастерке он выглядел просто крепким парнем, ничего особенного. Сейчас сильные мышцы переливались под блестящей от пота загорелой кожей, и Саша был похож на ожившую античную статую.

Женя отчего-то смутилась, почувствовала, как запылали щеки, вдруг стало жарко. Она неловко сунула Саше еще теплый сверток с блинчиками и убежала.

Под конец рабочего дня он постучал в ее кабинет.

– Опять почта? – сухо, с безразличным видом спросила Женя, не поднимая головы от вороха бумаг на рабочем столе. – На тумбочку положите, я потом посмотрю.

Теперь смутился Саша и, запинаясь, выговорил:

– Нет, я... я спасибо сказать хотел. За блинчики. Очень вкусно.

Женя, искоса поглядев на посетителя, увидела, что он залился краской, и улыбнулась легонечко, одними уголками губ – то-то же! Встала из-за стола, отошла к окну, потянулась – как будто забыла, что в кабинете еще кто-то есть. Но, почувствовав на плечах его ладони, почему-то не удивилась. От ладоней шло сухое тепло, в груди опять стало горячо, жар побежал по всему телу, покалывая кожу тонкими нежными иголочками. От тягучего, умелого поцелуя закружилась голова.

2. Кухонный гарнитур

Трамвай был старый и грохотал так, что Саше пришлось наклоняться к самому Женину уху:

– У нас никому увольнительную на сутки еще не давали. Ну два часа, ну четыре. Как тебе удалось?

– Подумаешь! Я все-таки не последний человек в части, – Женя улыбалась, вспоминая, как вчера весь вечер чистила селедку, резала лук, тушила мясо с черносливом, возилась с тестом для «бабушкиного» пирога с капустой. Такой обед получился – от одних запахов с ума можно сойти.

Впрочем, про еду они вспомнили только через несколько часов. Какая уж тут еда, когда от каждого прикосновения как током бьет! И оказалось, что «в первый раз» не страшно и не больно – ерунду девчонки-одноруппницы болтали! – а совсем наоборот: горячо, остро и сладко, так сладко, что замирало сердце и останавливалось дыхание.

А через месяц Женя поняла, что беременна: по утрам накатывала противная липкая тошнота, весь день кружилась голова, и в глазах мелькали то искры, то черные круги. Хотелось лечь носом в стенку и не открывать глаз. Совсем. Ну ее, эту жизнь, глядеть на нее тошно. Окна серые, из туч какая-то невнятная морось сыплется, на подоконнике по утрам лужица собирается – рама подтекает.

Вот ведь везение какое, думала Женя, бредя из женской консультации, куда пошла, чтоб окончательно проверить свои подозрения. Другие по три года забеременеть не могут, как Ульянка из параллельной группы, а тут – бац, с первого раза. Аборт? Страшно. Вдруг потом не родишь никогда. Детей-то хочется, но сейчас это как-то совсем неожиданно. Саше сказать? Стыдно, неловко. Он забегает минут на десять, и то редко. И, кажется, вовсе ничего не замечает: ни постоянной бледности, ни мрачного настроения.

Саша зашел через два дня. Какой-то странно смущенный, как тогда, с блинчиками.

– Жень... Я тут... Я хотел сказать...

Господи! Сейчас скажет, что переводят в другую часть! И что всегда будет помнить, и... что там они обычно говорят? Мы разошлись, как в море корабли?

– Жень, ты... это...

Она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться – нет уж, не дождетесь, просить и жаловаться не стану, – и сухо передразнила:

– Ну – я. Это. А это – ты. Ты да я да мы с тобой.

– Ну да! – почему-то обрадовался Саша. – Я и говорю. – И он опять замолчал, ковыряя ногтем угол стола.

– Пока ты ничего не говоришь, только мычишь.

– Ну... я думал... замуж...

– Что?!

Выговорив самое страшное слово, он вдруг осмелел:

– Замуж за меня выйдешь?

Горло перехватило так, что Женя даже пискнуть не могла, только кивнула.

– Да? Выйдешь? – он просиял.

– Да, – еле слышно прошептала она, и слезы хлынули градом, как будто смывая и тошноту, и апатию, и страх последних недель.

– Ну не плачь, пожалуйста. Смотри, даже солнышко улыбается, а ты плачешь.

На сером осеннем небе действительно приоткрылось голубое окошечко, и оттуда ударил солнечный луч! Настоящий солнечный луч! Живой и теплый!

В ЗАГСе, где они подавали заявление, им, как полагается, определили «два месяца на раздумье». Саша почему-то загрустил:

– За два месяца ты передумаешь.

Тут Женя совсем развеселилась:

– А хочешь, нас через три дня распишут?

– Как это? – не понял он.

– Фокус-покус! Сейчас убедишься!

Женя решительно зашла в кабинет заведующей ЗАГСом, рассказала про «большую-большую любовь», даже слезы очень кстати выступили, и в качестве решающего аргумента выложила на стол справку из женской консультации, подумав – как это я догадалась, что понадобится?

Пожилая заведующая, зябко кутаясь в серый пуховый платок – из щелястого окна немилосердно дуло, – повздыхала, покачала головой:

– Сама-то ленинградская? А он из Мурманска? И моложе тебя на сколько? На восемь лет? Ах, на семь. Ну смотри, тебе жить. Может, и вправду любовь. Всяко бывает.

Расписали их и в самом деле через три дня. Тихо, без оркестра и толпы гостей с криками «горько». Да и откуда было взять толпу гостей? Сокурсников звать? Или из части кого? Вот еще!

На крылечке ЗАГСа, любуясь новеньким обручальным кольцом, Женя наконец сообщила свежеиспеченному супругу, что он теперь не только муж, но и почти отец. Раньше как-то смущалась, то ли боязно было, то ли неловко. Ну а тут уж...

– Правда? Когда?

Она не успела даже сказать «сам подсчитай» – Саша подхватил ее на руки, закружил, кто-то из стоявших на крылечке заплодировал, кто-то рассмеялся – «вот молодцы, счастливые какие».

Когда Саша демобилизовался, до родов оставалось всего ничего. Он тут же устроился в ЖЭК плотником, да еще начал подрабатывать мелким ремонтом у жильцов. Дом старый, постоянно кому-то что-то нужно: кому дверь починить, кому бабушкин комод отреставрировать. Что-что, а руки у Саши были и впрямь золотые. Покосившуюся оконную раму, под которую текло при каждом дожде, а дуло вообще постоянно, он починил за один вечер, буркнув сердито – будет маленький, а тут сквозняк, безобразие.

Анька-певица заказала кухонный гарнитур. Да не какой-нибудь, а «вот как на картинке, и чтобы трубы газовые закрыть, а то смотреть страшно». Едва перекусив после рабочего дня, Саша шел на второй этаж.

– Саш, не ходил бы ты сегодня? – Женя держалась за поясницу и морщилась. – По-моему, скоро уже...

– Ой, да ладно, тут же рядом, – он покровительственно чмокнул ее в макушку. – Если что, стучи по батарее, я мигом! – И убежал.

Часа через два Женя почувствовала, что пора. Постучала в пол, подождала, стиснув зубы, – схватки накатывали уже каждые пять минут. Еще раз постучала. И еще раз. Пилит, наверное, что-нибудь и не слышит. И Валька на работе, позвать-то некого.

Тяжело переваливаясь и замирая на каждом шаге – боль накатывала уже подряд, так что темнело в глазах, – Женя добрела до входной двери, цепляясь за стену – только бы не упасть, только бы не упасть, – спустилась, почти сползла по лестнице и позвонила в дверь с готической табличкой. Звонок не работал. От боли и слабости она навалилась на дверь и почувствовала, как та подается – не заперто. Женя сделала шаг в квартиру Аньки-певицы и остолбенела.

За распахнутой дверью комнаты на ковре переплелись два обнаженных тела. Женя вскрикнула от ужаса и потеряла сознание.

Она не слыхала, как голый Саша, натягивая штаны, орал на Аньку: «Дура, в «Скорую» звони, живо!» Как худой рыжий врач, осмотрев ребенка, устало пожал плечами:

– Он уже родился мертвый, видите, пуповина обвилась? Так бывает. Если бы в роддоме?.. Ну, не знаю, может быть, и спасли бы, но думаю, что вряд ли.

Очнувшись, Женя увидела потолок с зеленоватыми потеками и возвышавшуюся сбоку стойку капельницы. Скосила глаза вниз – живот был непривычно плоский.

Возле капельницы появилась бесцветная, как будто бесплотная фигура: бледное лицо, прозрачные светло-серые глаза с белесыми ресницами, белый балахон. Как будто ангел.

– Я умерла? – прошептала Женя.

– Что вы! – слабо улыбнулась медсестра. – Вам уже лучше, вы скоро поправитесь.

– А... а маленький?

Медсестра опустила голову.

Через три дня Саша встречал ее из больницы с огромным букетом. Дома царил необыкновенный порядок и чем-то вкусно пахло.

– Вот... я тут приготовил... – муж бережно усадил Женю на диван и кинулся разворачивать укутанные в одеяло и старое пальто – чтоб не остыли к ее возвращению! – кастрюльки. Руки у него дрожали. Женя почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы – ну что тут скажешь, он ведь и сам все понял, он же не со зла, так, по мужской дурости, он же меня любит, вон как заботится...

3. Второй шанс

Весна выдалась ранняя и жаркая, как будто не в Ленинграде над стылой Балтикой, а в какой-нибудь Астрахани. На улице еще ничего, а в транспорте вздохнуть нечем. Женя специально поехала последней электричкой, чтоб попрохладнее и без толпы. Репино хоть и числится частью Ленинграда, а на самом деле – край географии.

В Репино жил дядя Жени. Не то двоюродный, не то троюродный, она и видела-то его только на бабушкиных похоронах. Когда позвонила незнакомая женщина с сообщением о дядиной смерти, Женя даже не сразу сообразила: что за дядя, при чем тут Репино? Но потом решила на похороны все-таки съездить: какой-никакой, а родственник, последний родной человек.

Последний? А как же Саша? Он-то – родной?

Всю зиму Женя пыталась взглянуть на мужа прежними глазами, но – не получалось. Ее по-прежнему тянуло к Саше, по-прежнему от его прикосновений и даже просто от взглядов внутри начинал пылать жаркий костер. Но теперь в этом пламени была не только радость, но и боль. Так что возможности съездить в Репино – ну пусть хотя бы и на поминки – она даже обрадовалась.

Похороны устроил трест, где дядя раньше работал. Народу собралось совсем немного: трое бывших сослуживцев да несколько соседей. Оказалось, что комната, где дядя жил, тоже трестовская, и надо бы ее побыстрее освободить. Соседи споро разобрали немудрящий дядин скраб, Жене как единственной родственнице досталась библиотека. И неплохая. Вся русская классика: Достоевский, трое Толстых, Куприн, Чехов – и среди них почему-то Гюго и Джек Лондон. Забрать все сразу было, конечно, совершенно невозможно. Женя взяла только десяти томник Пушкина. Соседка Галя – та, что звонила Жене, – согласилась поддержать остальные книги у себя. После недолгих поминок Галя предлагала переночевать у нее – не в комнате же покойника, – но Женя, представив душный, битком набитый вагон, решила вдруг ехать последней электричкой: посвободнее и не так жарко. И Саша обрадуется – он-то думает, что она только завтра к обеду вернется.

Женя глядела в темное стекло, и ей хотелось плакать. Сейчас маленькому было бы уже... Нет, нельзя об этом думать. Нельзя. Нель-зя, нель-зя, нель-зя, выстукивали колеса. Наверное, новая беременность, новая надежда помогла бы забыть и эти страшные роды в чужой прихожей, и белого ангела с трагически склоненной головой, и постоянную сосущую пустоту внутри. Но, хотя в больнице и заверяли, что никаких последствий, что можно еще десятерых родить, – все никак, ну никак не получается. Может быть, сегодня? Саша, должно быть, спит уже, но...

На лестнице, как водится, было темно, Женя еле нащупала замочную скважину. Тихонько прокралась в комнату, пристроила в угол сетку с книгами, почти не дыша, разделась и скользнула под одеяло. Ну вот, опять на весь диван развалился!

– Саш, подви... – она осеклась, дыхание перехватило от тяжелого, терпкого запаха. Женя вскочила и не глядя ударила по выключателю...

«Муж неожиданно возвращается из командировки», – горько подумала она, вспомнив классический анекдотный сюжет. Ну, не муж и не из командировки, но... Господи, за что?!

Анька-певица, мгновенно натянув валявшееся на полу черное шелковое кимоно с драконами и прижав к груди туфли, выскочила за дверь. Саша как сел в разоренной постели, так и сидел китайским болванчиком, уставившись на жену остановившимися глазами.

– Ты тоже убирайся!

– Я... Женечка... Я сейчас все... – он запинаясь на каждом слове.

– Да-да, ты все сейчас объяснишь, а я все неправильно поняла, – сухо прервала его Женя. – Вы тут искусство обсуждали, да? Например, последнюю постановку в Мариинском. Я сказала – убирайся.

– Куда же я... – лепетал Саша. – Ночь ведь.

– Куда хочешь. Хочешь – к артистке своей, хочешь – к черту лысому.

Захлопнув за мужем дверь, она опустила прямо на пол – садиться на разоренный диван было мерзко – и разрыдалась наконец.

Саша пытался просить прощения до самого суда, караулил Женю под дверью или сам заходил в квартиру – замки она так и не поменяла. Однажды, когда на город рухнула бурная майская гроза, даже остался ночевать. И ночь была такой же бурной и ослепительной, как гроза за окном.

Утром Женя плакала в ванной, вспоминая Валину присказку: спать с ним хорошо – просыпаться плохо. Почему, ну почему нельзя все забыть, чтобы все было, как раньше?

На суде Саша опять умолял его простить, пожилая судья, чем-то похожая на ту заведующую из ЗАГСа, вздыхала и сочувственно качала головой. Но Женя как закаменела.

Выйдя из прохладного вестибюля в раскаленный, полный летучего пуха июньский город, она почувствовала неожиданную дурноту. Господи, неужели?

– Женя, нельзя же так, я же только тебя люблю! – догнавший ее Саша забежал вперед, преграждая дорогу.

Она посмотрела «сквозь» него, бросила равнодушно «отстань» и пошла по тополиным сугробам, легонько улыбаясь своим мыслям: Валька скажет, что я сумасшедшая, ну и пусть!

Валя ждала ее дома, наготовив вкусностей, среди которых важно возвышались две бутылки: пузатая коньячная и рядом высокая, темно-зеленая, с серебряной головой – шампанское. А что? Развод – это вам не фунт изюму, надо же отметить свободу. Ну, или отвлечься, если грустно станет.

Женя отщипнула семги, отломил кусок пирога, но, когда соседка начала обдирать серебряную фольгу, покачала головой – мол, мне не нужно.

Валя ахнула:

– Женька, ты – что? Беременная?

Женя молча пожала плечами и улыбнулась. Ей было удивительно светло. Июнь, белые ночи – хорошо! Как будто она все это время жила за полярным кругом, в долгой-долгой темноте, и вдруг – никакой темноты! Белая ночь!

– Ты с ума сошла! Да когда ж он успел-то, паразит?! Или ты его, кобеля, снова простить собралась?

Женя покачала головой, даже руками помахала – нет, мол, не собралась и не соберусь.

– А может, оно и лучше, – неожиданно согласилась соседка. – Мужики что? Мужиков на твой век хватит, вон какая красавица, еще набегут. А вот родить тебе надо.

– Только бы девочка! – мечтательно протянула Женя.

– Это уж точно!

4. Во чужом пиру похмелье

– Вроде говорили, ты развелась? – Виктор Петрович с любопытством косился на небольшой, но уже вполне заметный Женин животик.

– Ну да, – она улыбнулась. – Давно уже.

– А... – он замялся. – Как же... или... Как же тебя развели?

Женя догадалась, что на самом деле он хотел спросить, чей же это ребенок, но постеснялся, конечно. Она засмеялась:

– Я же говорю – давно, еще ничего видно не было.

– И что, одна будешь растить? Без мужа? – как будто изумился он.

– Ну и одна, – почему-то рассердилась Женя. – Меня же мама и бабушка вырастили.

И подумала про себя – «почти вырастили», про детдом она старалась не вспоминать.

– Фью-у-у! – присвистнул Виктор Петрович. – После войны совсем другое время было, сплошные матери-одиночки. А теперь... – он покачал головой. – В лицо, может, и не скажут, а за спиной шептаться станут. Да и ребеночка задразнят, не боишься?

Он, конечно, был прав, Женя и сама это чувствовала. Даже в женской консультации с ней разговаривают, как с... в общем, недружелюбно разговаривают. Презрительно. Сверху вниз. Как будто она неполноценная и ребенок ее будущий – тоже неполноценный.

– Да и тяжело это – в одиночку ребеночка растить, – сочувственно продолжал Виктор Петрович. – Им же много всего нужно: пеленки, одежды, игрушки, фрукты всякие. Чтoб не хуже, чем у других.

И тут он тоже был прав. Зарплаты хватало только на самое необходимое. А ребеночку и впрямь много нужно – ох, хотелось ведь, чтоб у малыша было все-все-все. Женя рассердилась еще сильнее: чего он лезет не в свое дело?

– Виктор Петрович! Я не инвалид и...

Он не дал ей договорить:

– Тихо-тихо, я ж не в обиду! И что ты все – «Виктор Петрович» да «Виктор Петрович»? И на «вы». Сто лет знакомы, пора уже и на «ты», а?

С этой случайной встречи он начал Женю преследовать. Ну, «преследовать» – громко сказано. Но заходить стал часто, по два-три раза в неделю, а уж в выходные – непременно. Выводил ее гулять – «маленький, хоть и в животе, а ему нужно больше свежего воздуха», фрукты таскал – «маленькому витамины нужны», семгу, форель – у Жени вдруг проснулся зверский аппетит на красную рыбу.

И намекал, намекал, намекал...

Даже соседка Валя в конце концов встала на его сторону:

– Вот чего ты упираешься? Он же не в любовницы тебя тащит, а замуж, все честь по чести. Молодой еще, бодрый, подтянутый. Не пьет, не курит, заботливый. Ну и обеспечит, конечно. Чего тебе еще? Любви неземной? Не накушалась?

Женя и сама не знала – чего еще. Ведь прекрасный мужчина, прекрасный. А у нее от одного взгляда на этого «прекрасного» внутри скользко делается, точно лягушку проглотила. Или, может, это от беременности так? Вот родит, и Виктор Петрович симпатичным покажется?

В одну из суббот он явился гордый, сияющий – в форме. С новенькими подполковничьими погонами!

– И квартиру под звание выделили! На Васильевском острове! Трехкомнатную! Пойдем поглядим? Тебе все равно гулять надо.

Раздеваясь после прогулки, Женя подняла глаза и похолодела от ужаса. Старый дом в очередной раз осел, и крошечная трещинка под потолком, справа от окна, появившаяся много лет назад, через месяц после Жениного вселения в квартиру, теперь разверзлась на полстены. То есть не то чтобы совсем разверзлась – Женя тяжело взобралась на стул, вгляделась, но улицы сквозь трещину, слава богу, видно не было, – однако холодом оттуда тянуло вполне ощутимо. А на полу валялись куски штукатурки. Господи! А зимой как же?! А если угол совсем начнет обваливаться? Как тут жить с грудным ребенком?

«Квартирный вопрос» стал последним, решающим аргументом. Ну что ж, замуж так замуж, стерпится – слюбится.

Свадьбу делать не стали – какая уж свадьба с таким животом. Расписались тихонько, Женя ушла в декрет и все время и силы тратила на обустройство нового «гнезда»: это убрать, это отмыть, то постирать. Да и готовка на троих мужчин – мальчишки еще подростки да аппетит, как у взрослых – тоже немало времени требует. От пацанов-то никакой помощи. Нет, она и не ждала помощи – лишь бы не мешали. А они ревновали, конечно, и постоянно подстраивали всякие каверзы. Пустяковые, но обидные. Женя очень хорошо понимала, что такое – расти без матери, и мальчишек жалела, изо всех сил стараясь найти с ними общий язык. Но старший, Леонид, каждый день изобретал какую-нибудь пакость, а младший, Игорь, во всем брату подражал.

Одна радость – свекровь Наталья Михайловна приняла невестку как родную. Ну и что, что с пузом – ребенок есть ребенок. Да и то сказать – раньше-то заботы о сыне и подрастающих внуках на ней были, никаких сил не напасешься, а Женя почти все на себя взяла. Да и жалела Наталья Михайловна невестку – шутка ли, первого ребеночка родами потерять, теперь вдвое беречься надо – и помогать старалась, забежала почти каждый день, благо с ее Петроградской стороны до Васильевского рукой подать.

– Женечка, я вам курочку купила и картошки! – бухнув в прихожей тяжелые сумки, она незаметно потеряла поясницу.

– Наталья Михайловна! Ну зачем столько тащить? Вам же тяжело! За картошкой и мальчишки могут сходить.

– Да видела я, как они ходят, – отмахнулась свекровь. – Не допросишься! А картошечка-то глянь – сегодня в угловой завезли – гладкая, желтая, чисто масло! Батюшки, а у тебя уж и обед готов? А я-то подсобить хотела, борщ – дело небystрое. А ты уж управилась. А запах-то, запах – хоть ложкой его ешь!

– Ой, бабушка, а ты с нами обедать будешь? – почему-то удивился Игорь.

– Что ж мне с вами не пообедать? Ну-ка, быстро за стол!

Мальчики, все время переглядываясь и что-то друг другу шепча, вымыли руки и уселись чинно, как образцовые дети. Что это с ними, подумала Женя, опять каверзу какую-то затеяли?

– А красный-то – прям генеральские лампы! – Наталья Михайловна отправила в рот первую ложку и замерла с полураскрытым ртом.

– Горячо? – с беспокойством спросила Женя, но свекровь отрицательно помотала головой, по-прежнему дыша раскрытым ртом.

Игорь и Леонид все так же чинно сидели над нетронутыми тарелками в гробовом молчании. Только ходики на стене стучали беззаботно: так-так, так-так, так-так.

Женя зачерпнула прямо из кастрюли, попробовала – и выплюнула мерзкую горькую жидкость в раковину. Господи! Что они туда насыпали? Соль? Перец? Или чего похуже? На глазах выступили слезы. Женя схватила кастрюлю со злополучным борщом – на помойку, немедленно – и тут же грохнула ее на плиту, так что крышка, звонко подпрыгнув, слетела на пол. Живот прорезала знакомая боль.

Женя метнулась в спальню. Наталья Михайловна – за ней.

– Ну не плачь, не плачь, – приговаривала она, присев на краешек кровати и глядя вздрагивающие плечи невестки. – Дети ведь еще! Ревнуют, терпение твое проверяют – сорвешься, не сорвешься.

Но Жене было уже не до испорченного обеда:

– Наталья Михайловна, «Скорую»! Рожаю!

Свекровь выскочила из спальни, но тут же вернулась:

– Господи, еще и телефон не работает! Я к соседям! Женечка, ты потерпи, девочка моя!

Из прихожей раздался испуганный басок Игоря:

– Бабушка, я починил телефон.

«Это они вилку из розетки выдернули, – догадалась Женя. – Чтоб я отцу не позвонила, не нажаловалась. Господи, да я же никогда...» Она замычала от боли. Лица мальчиков, робко заглядывающих в спальню, виделись как в тумане.

– Тетя Женя, простите, мы больше не будем. Простите, пожалуйста!

«Испугались, бедные, – подумала Женя, – решили, что мне из-за борща плохо стало. Действительно, хоть и вымахали под притолоку, а дети еще совсем». Она нашла в себе силы улыбнуться и почти спокойно сказать:

– Ничего-ничего, не бойтесь, просто срок подошел...

Девочка родилась светленькая, голубоглазая.

– Светик мой, – целовала ее Женя. – Никому ты, кроме меня, не нужна.

Мальчики перестали ее изводить, даже помогали немного, но вот отношения с мужем становились все хуже и хуже. Поначалу Женя упрекала себя: он ко мне со всей душой, а я? Зря она надеялась, что после родов все наладится, – супружеские «ласки» вызывали только отвращение. Да и «ласки» становились все грубее: Виктор Петрович не мог не заметить ее холодности, а какой мужчина это стерпит? Муж должен властвовать, а жена подчиняться, разве не так? Вот он и властвовал. А на маленькую Светочку смотрел сперва равнодушно, а после – со все большей и большей злобой, как будто именно она была во всем виновата.

Женя, гуляя с дочкой – каждый раз как магнитом ее тянуло, честное слово, – останавливалась на Тучковом мосту и долго смотрела в масляно-свинцовую воду. От ее тяжелого колыхания невозможно было оторвать взгляд – так бы и бросилась. Ведь сил никаких нет так жить!

Наталью Михайловну разбил инсульт, пришлось забрать ее на Васильевский. Из-за ширмы, которой отгородили угол гостиной, полз острый и тяжелый запах лекарств, болезни, беспомощности. Стирка, готовка, уборка – к ночи Женя валилась с ног. Зато мужнины «ласки» практически перестали ее беспокоить – от усталости ей было все равно, что там делают с ее бессильным телом.

– Тыфу, бревно! – злился Виктор Петрович и как-то раз, когда Женя вывернулась из супружеских объятий, чтобы подойти к проснувшейся Светочке, даже попытался ее ударить.

– Ну бей, бей! Завтра же на развод подам! И твоему начальству свои синяки продемонстрирую! – пригрозила она.

– У, тварь! – бессильно выругался «нежный супруг».

– Тихо! Слышишь? – Женя замерла.

– Ничего не слышу, – удивился Виктор Петрович.

– Вот и я не слышу. Наталья Михайловна всегда во сне постанывает, а сейчас?

Тишина в квартире действительно стояла мертвая.

Женя набросила халат, но, открывая дверь гостиной, она уже знала – что увидит.

– Мама?! – растерянno, как-то по-детски ахнул за спиной Виктор Петрович.

После поминок он впервые в жизни напился. И на следующий вечер – тоже. И на следующий.

«Господи, – думала Женя, – вот другие мужики пьют: зальет глаза и отключится, а этот!»

Виктор Петрович пьянел быстро и страшно: уже с трех-четырех рюмок глаза наливались кровью, на шее натягивались синие жилы, и весь он становился похожим на разъяренного обезумевшего быка. Поначалу его злость выливалась только в потоки нецензурщины, но с каждым днем становилось все хуже и хуже.

– Т-тварь! Я тебя брюхатую взял, а ты! И суп мерзкий! Уморить меня решила?! – тарелка, просвистев мимо Жениной головы, врезалась в угол, орошая стену жирными потеками.

«Убьет сейчас», – подумала Женя, не в силах двинуться. Но влетевший на кухню Леонид точным ударом в солнечное сплетение отшвырнул отца от застывшей в ужасе Жени.

– Ты, подонок! – рявкнул он на отца. – Додумался, на кого руку поднять? Кто мне всю жизнь про офицерскую честь долбил?

Виктор Петрович, скорчившись на полу, только жалобно поскуливал.

Женя, не помня себя, покидала в старую сумку детские вещи, одела Светочку и выскочила за дверь.

5. Новогоднее волшебство

– Вот ведь паразит, а таким приличным мужчиной казался! Ну и давно пора было! – приговаривала Валя, помогая соседке наводить чистоту в брошенной комнате. – Ничего, проживем. И стену починили, видишь? Какие-то стяжки, что ли, поставили. Все в порядке, ничего не рушится. Живи да радуйся, еще не хватало – пьянь всякую терпеть.

– Да мальчиков жаль было, – улыбнулась Женя.

– Ничего, они теперь и сами справятся, не маленькие уже, – Валя покачала головой. – Говоришь, старший тебя защищать кинулся?

– Ну да, – Женя улыбнулась, вспоминая, как Леонид сквозь зубы цедил слова об офицерской чести. – Он так вытянулся, уже с отца ростом, и на бокс ходит.

– Значит, и без тебя обойдутся, – подытожила соседка. – А то – жаль ей. Себя пожалей – ведь убил бы! Не сегодня, так вдругорядь. А у тебя дочка. Вон какая красавица. Я ж на пенсию вышла, и пригляжу, если что. На работу-то думаешь возвращаться?

– Конечно. Жить-то надо на что-то, – вздохнула Женя.

– Ничего, справимся. Не война небось, – Валя потрепала ее по плечу.

За непрерывными заботами Женя и не заметила, как мимо пролетали зима, лето, осень, опять зима...

– Сашку твоего давеча видела, – сообщила Валя, прилаживая к еловой лапе ватного снеговика.

– Он разве к себе в Мурманск не вернулся? – с ненатуральным равнодушием спросила Женя, чувствуя, как предательски колотится сердце. Ох, хорошо, что тетя Валя стала немного глуховата, а то непременно услышала бы. Если он все еще с Анькой-певицей живет... просто чудо, что за это время они ни разу не столкнулись.

– А чего ему в Мурманске-то? – фыркнула соседка. – Тут у нас столица, почитай, а там что? Треска да белые медведи?

Женя промолчала, опасаясь, что голос выдаст. Но проницательная тетя Валя все равно догадалась:

– Да не трясись. Он в другой ЖЭК ушел. Тоже плотником, но там ему зато жилье выделили. С Анькой-то он быстро разбежался, стерва и есть стерва. А она теперь усвистала куда-то. В Латвию не то в Краснодар, вроде в театр тамошний пригласили, да наврала небось, кому она нужна, коза драная. Но уехать и впрямь уехала, давно не видать, не слышать, – она отошла немного, удовлетворенно разглядывая наряженную елку. – А Сашка сейчас в другом районе, не бойсь, и захочешь, не встретишь. Да и на что он тебе? Ты, конечно, молодая, тебе мужика нужно, да на нем-то свет клином не сошелся. Вон лучше в часть на вечер новогодний сходи.

– Чего я туда пойду? Там Виктор, опять напьется, скандал устроит. Да и кто я? Так, мелкая сошка.

– Так звали же, – рассудительно заметила соседка. – Личное приглашение принесли. Женщин-то у них не хватает, а что за вечер без танцев. Вот и сходи, а на Виктора Петровича плевать, напьется так напьется, мужиков там хватит его укоротить.

Может, вся жизнь повернулась бы по-другому, но назавтра, когда Женя совсем уже было решила ни на какой вечер не ходить, поздравить ее и Светочку с наступающим Новым годом забежали Игорь с Леонидом. Лица у мальчиков были таинственные и немного растерянные.

Леонид протянул ей небольшой, заклеенный со всех сторон плоский пакет, на котором крупными, слегка дрожащими буквами было выведено «Для Женечки».

– Мы вещи в бабушкиной квартире разбирали, и вот... нашли. Наверное, она на прошлый Новый год подарки готовила, но не успела, – он шмыгнул носом, совсем как маленький.

Распрощавшись с мальчиками, Женя разрешила пакет. Внутри оказалась плоская квадратная коробочка из желтоватого глянцевого картона. С замирающим сердцем она сняла крышку...

– Господи, что это? – ахнула из-за ее плеча Валя.

– Блюдечко, – всхлипнула Женя. – Разве не видишь? Блюдечко. С голубой каемочкой.

– Ничего себе блюдечко! Я такие только в Эрмитаже видела. И вензель посередине какой-то... прямо царский.

– Не царский, а императорский. На екатерининский похож. Императорская посуда не только в Эрмитаже, ее и в антикварных магазинах хватает. Наверное, Наталья Михайловна его из-за буквы «Е» купила. Там Екатерина, тут Евгения.

– Дай! – потянулась к блюдечку шустрая Светочка.

– Ты что, вдруг разобьешь! – всполошилась Валя. – Такую красоту!

– Дай! – требовательно повторила Светочка и топнула ножкой.

– Светочка, это мамино. Пойдем, я тебе лучше мандаринчик почищу.

На мандаринчик девочка милостиво согласилась.

На дне коробочки обнаружилась карточка с красивой надписью:

Пусть принесут тебе и радость, и любовь

На блюдечке с каемкой голубой.

И две буквы – Н и М. Наталья Михайловна.

«Что это я, в самом деле, затворницу из себя изображаю, – думала Женя, бережно заворачивая коробочку с блюдцем и убирая на дальнюю полку. – Почему бы не сходить, не повеселиться? Правда... ох, наверное, ни в одно платье не влезу, корова. Разве что синее, с искрой, оно посвободнее. И цвет подходящий...»

Синее с искрой платье пришлось идеально. Располневшая после родов фигура тем не менее не расплылась, талия по сравнению с пышным бюстом и бедрами казалась тонкой – в общем, что называется, «рубенсовские формы», а если попроще – «роскошная женщина». Искры на синей ткани напоминали сверкающие снежинки на фоне ночного неба.

– И ничего не корова! – развеселившаяся вдруг Женя показала язык своему отражению. – Очень даже ничего! И румянец такой... завлекательный.

Нежная, как у многих полных женщин, кожа казалась персиковой, глаза сияли, на щеках играли обворожительные ямочки.

– Теть Валь! Ну что, отпустишь меня на вечер?

– Да как же не отпустить такую красавицу? – всплеснула руками соседка.

– Ну... мы же с тобой хотели курантов дожждаться, шампанского выпить, наготовили вкусенького.

– Ой, а то мы завтра шампанского не выпьем и вкусенького не съедим. Ступай, веселись! А Светочку я уж у себя уложу.

Но Женя еще чувствовала какую-то неловкость:

– Я веселиться пойду, а тебе с ребенком сидеть?

– Да мне ж только в радость! Она меня бабушкой назвала, я ж для нее готова звезду с неба снять! – Валя украдкой вытерла непрошеную слезу. – Ступай-ступай! Да гляди, меньше, чем с генералами, не танцуй! – она шутливо погрозила Жене пальцем и подмигнула.

– Слушаюсь, товарищ командир! – рассмеялась Женя.

Какие уж нам генералы, думала она часа через два, поедая вкуснящий торт и наблюдая за танцующими. Тут бы хоть лейтенантиком каким заваливающим разжиться, да и те все с женами. Взглядами-то прямо облизывают – ну как же, одинокая симпатичная женщина, а подойти пригласить – как можно, супруга обидится! Ну и ладно! Мне вкусно и весело, ну их.

– Разрешите?

От неожиданности Женя уронила ложечку. Возле нее стоял высокий подтянутый мужчина: яркие голубые глаза, крупный нос, полные чувственные губы и – абсолютно седой.

– Я напугал вас? Извините. Вы танцуете?

Он повел Женю в вальсе так уверенно, что она почувствовала себя легкой, как новогодняя снежинка.

– А где ваш муж? Как же он такую очаровательную женщину одну оставил?

– Бывший, – фыркнула Женя. – Подполковник Гудков Виктор Петрович. Вон сидит, уже лыка не вяжет.

Виктор Петрович, тяжело навалившись на угол стола, безуспешно пытался почистить мандарин. Мандарин мячиком выскальзывал из непослушных пальцев, бравый подполковник некоторое время уныло глядел на пол и брал следующий. Под его стулом валялись уже три-четыре оранжевых «мячика».

– Я тоже Петрович, – улыбнулся новый знакомый. – Только Семен. Полковник Гольдин. Неделю назад переведен из Германии. Трудно представить, что у вас муж, да еще и бывший, – вы такая молодая.

– У меня еще и ребенок есть, – улыбнулась Женя. – Девочка. Правда, маленькая, еще и двух лет нет. Так что мне пора. Спасибо вам, вы прекрасно танцуете.

– Я вас провожу, – не спросил, а сообщил Семен Петрович.

Женя замялась, подумав: разговоров потом не оберешься, впрочем, ну и пусть. А полковник пояснил:

– Вы же не можете одна ночью возвращаться, мало ли что.

Женя все-таки спросила:

– А ваша жена не будет недовольна, что вы посторонних женщин провожаете?

– Моя жена... – начал было Семен Петрович, но замолчал, помог ей одеться и, бережно поддерживая под руку, повел по скользким, едва укрытым легким пушистым снежком тротуарам.

Жене показалось, что своим вопросом она разбредила какую-то рану. Не ответил, молчит...

– Женечка, – наконец заговорил Семен Петрович, – я же не искатель приключений. Вы очень красивая женщина, обаятельная, жизнерадостная. Но я, конечно, не стал бы за вами ухаживать, если бы... – он опять надолго замолчал. – Мою жену звали Анна, она преподавала в Дрезденском университете русский язык. В воскресенье мы возвращались от друзей, я был за рулем, она задремала. Дождь, скользкая дорога, меня вдруг ослепила встречная машина... Очнулся уже в госпитале. Анечка даже не успела ничего почувствовать, – он говорил с трудом, делая длинные паузы. – Но самое страшное... Она очень хотела детей, и я тоже, она много лет лечилась. А после аварии мне сказали, что она была беременна. Вот тогда я и поседел. В одну ночь. А мне ведь всего сорок пять, только выгляжу старше.

Женя почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы:

– Простите, Семен Петрович, я... я не хотела сделать вам больно.

– Наоборот, – он покачал головой. – Это было два года назад, я впервые вот так кому-то рассказал. И как-то легче стало. Ты очень светлый человек.

Женя смутилась. Но не от того, что он назвал ее на «ты», а от неожиданного комплимента.

– Да ну, самая обыкновенная. Дочь у меня от первого мужа, второго вы видели. В части работаю экономистом, после университета. Живу в коммуналке, соседка тетя Валя помогает за Светочкой присматривать. Вот мы уже почти и пришли, – сообщила она и неожиданно для себя самой предложила: – Вы, должно быть, замерзли? Пойдемте, я хоть чаем горячим вас напою. Или... – она взглянула на часы. – Ой, до Нового года двадцать минут осталось, тут не чай, пора шампанское открывать! Ну, зайдете?

– Не боишься, что, с кем встретишь Новый год...

– ...с тем его и проведешь! – весело подхватила Женя. – Я не суеверная! Только тихо, Валя, наверное, Светочку уложила и сама с ней заснула.

Елочная гирлянда освещала комнату зыбким, разноцветным, волшебным светом. Семен Петрович мастерски, без хлопков, откупорил шампанское.

– С Новым годом! – прошептали они хором. – С новым счастьем!

И, не сговариваясь, потянулись навстречу друг другу.

Поцелуй длился, казалось, бесконечно. Оторвавшись от Жениных губ, Семен Петрович прижал ее к себе и замер. Только слышно было, как гулко бьется его сердце. Так, не размыкая объятий, они просидели несколько часов. Ничего не говорили, даже не поцеловались больше ни разу. Только время от времени пригубливали по глотку шампанского – Женя чувствовала, как от волнения все время пересыхает горло. В этих молчаливых объятиях под цветными елочными бликами была какая-то удивительная близость. Куда большая, чем в самых жарких, самых страстных любовных ласках.

6. Антикварное серебро

– Валюша! – Семен Петрович заглянул в кухню, где Валя возилась с обедом. – На нас не накрывайте, мы сейчас пойдем Жене подарок покупать.

– Да как же это? – изумилась Валя. – Ведь день рожденья-то у вас...

– Так разве я не могу на свой день рожденья сделать подарок жене Женечке? – подмигнул Семен Петрович. Ему очень нравилось это сочетание – «жена Женечка», – и он постоянно его повторял. – Так что вы уж со Светочкой без нас пообедайте.

– Да уж само собой, ребенку режим нужен.

– Ну вот видите! А вы еще не хотели ко мне переезжать. Что бы мы тут без вас делали? Сидели бы одинокие, заброшенные, голо-о-одные! – он скорчил унылую и очень смешную рожу.

– Па-па! И мне падаик! – потребовала Светочка.

– И тебе, конечно! Как же наш Светик – и без подарка!

– Семен, ты все-таки балуешь ее ужасно, – заметила Женя, когда они вышли на улицу. – Игрушками вся квартира завалена.

– А ты не завидуй! – Он привлек ее к себе и ласково взъерошил волосы.

– Фу, Семен, не хулигань! Как я с такой прической теперь пойду?

– Гордо, – он чмокнул ее в нос. – Как самая красивая женщина этого города. А что нужно самой красивой женщине? Правильно, достойная оправа. Как хорошему бриллианту. Поэтому едем в Гостиный двор.

– Но там же ужасно дорого...

– Цыц! – он погрозил Жене пальцем. – Кто в доме хозяин?

В Гостином дворе Семен Петрович уверенно повел ее в меховой отдел.

– Зачем? Лето же на пороге, – растерялась Женя.

– А кто старался похудеть к моему дню рождения? Думаешь, я ничего не замечал? Килограммов двадцать сбросила?

– Шестнадцать, – она покраснела. Ей действительно казалось, что Семен не замечает ее усилий, только повторяет все время «ты самая красивая», а он, оказывается...

– Шестнадцать, – повторил он. – Целый пуд. И, скажешь, не мечтала о шубе? Я ж по глазам видел.

«Он как будто мысли мои читает, – подумала Женя. – Главное, не говорит ничего, не говорит, а сам видит все насквозь. Господи, за что мне такое счастье?» Но вслух она подхватила шуточный тон мужа:

– Хитрюга! Боишься, что до зимы я опять разжирею?

– Как можно – с новой-то шубой! – шуточно ужаснулся он. – Выбирай! – он, смеясь, подтолкнул ее к вешалкам.

Перемерив невероятное количество шуб, Женя выбрала каракулевую, коричневую, с элегантной муфточкой.

– Ну как?

– Хороша! – заплодировал Семен Петрович.

Жене было ужасно жаль, что уже почти лето и нельзя надеть обновку сразу, чтобы идти, гордо ловя свое отражение в витринах – как в кино. Она поминутно заглядывала в пакет с шубой и все равно гордилась – заглядывала и гордилась.

Только одно подтачивало Женину радость. Меряя шубы, она в какой-то момент взглянула на зеркальное отражение Семена: седина, глубокие горькие складки у рта и у глаз. И спит в последнее время что-то плохо. Господи, да здоров ли он?

Назавтра она обзвонила десятка два знакомых, и фельдшер Яна Александровна, с которой Женя приятельствовала с начала своей работы в части, присоветовала частного гомеопата:

– Это просто чудо что за доктор! У моей свекрови после климакса такие головные боли начались – ужас просто, она не то что из дому – она из спальни в ванную выйти не могла. Терапевты, невропатологи, эндокринологи – да все, все только руками разводили: мол, что вы хотите, классическая мигрень, терпите, темнота и покой – все, что можем посоветовать. Хотели уже инвалидность оформлять. Приступы-то чуть не каждый день. А после шариков этих гомеопатических – тишина и покой. Прямо волшебство! И сам он такой чудесный, ты в него сразу влюбишься! Ну... не в том смысле, что влюбишься, а... ладно, сама увидишь.

Старенький профессор был удивительно похож на доктора Айболита: худенький, седенький, борода клинышком, круглые очки. Выслушав Женю, он нахмурился:

– Ну, голубушка, как же я могу вашему мужу заочно лечебный курс составлять? Вот приходите с ним на прием, обследуем, подберем препараты...

Но вытащить Семена к доктору, конечно же, не удалось. Мужчины! Пока пластом не лягут, ни за что не согласятся, что им помощь требуется. В конце концов Женя уговорила профессора выписать самые общие средства: для укрепления тонуса, снижения утомляемости и профилактики сердечных заболеваний.

Маленькая бутылочка темного стекла, за которым таинственно пересыпались крохотные шарики, казалась ей волшебной. Но – слишком простой. У Семена должно быть все самое лучшее, решила она, сворачивая на Невский, к антикварному магазину. Когда-то Женя заходила сюда часто: аура старины, окутывавшая здесь даже самые простые предметы, делала их странно притягательными. В старых зеркалах, казалось, еще жили тени тех, кто смотрелся в них сто, а то и двести лет назад.

Она выбрала маленькую серебряную коробочку с чеканными узорами и выпуклой буквой «С» на крышке. Кажется, это называется «бонбоньерка».

Коробочка лежала в кармане, а Женя шла сквозь веселую пестроту Невского и соседних переулков и все гладила, гладила крышечку. Казалось, невозможно оторвать пальцы от этой теплой выпуклости: С – Семен, С – Судьба... С —...

– Женя?

Она вздрогнула и обернулась. Воздух вдруг кончился, как будто под дых ударили: хочешь вздохнуть, а нечем. Колени стали ватными, в животе похолодело.

– Саша?

Едкий холод сменился знакомым жаром, щеки запылали, в горле пересохло. Он приобнял ее за плечи и повел к маленькой невзрачной кафешке. А Женя только послушно передвигала враз ослабевшие ноги, ни словом, ни движением возразить не могла. Да что же это, в самом-то деле!

Саша усадил ее за дальний, в самом углу, столик, заказал чай – по-прежнему не отрывая взгляда от Жениного лица. Уж конечно, он прекрасно видел, что с ней творится – не в первый раз! Нежно взял ее безвольную руку и начал целовать ладошку – медленно, тягуче, неодолимо...

– Ваш чай, пожалуйста, – официант появился так беззвучно, что Женя вздрогнула от неожиданности. Или не беззвучно? Или это она сама так провалилась в свой привычный пожар, что уже ничего вокруг не видит и не слышит? Да что она, марионетка, что ли?

Коробочка лежала в одном кармане, бутылочка от «доктора Айболита» – в другом. Женя стиснула ее в кулаке: прикосновение холодного гладкого стекла словно вернуло ясность мысли.

– Мне нужно идти, я...

– Да ладно, посиди, не каждый день видимся. А ведь не чужие. – Саша опять попытался завладеть ее рукой, но Женя не позволила.

– Чужие! Понял? Я замужем, и я его люблю! – она вскочила, едва не опрокинув стул.

– Подумаешь! Я тоже женат, но я ее не люблю, – усмехнулся Саша и уверенно преградил ей дорогу.

Ничего, ничегошеньки не осталось от того стеснительного солдатики: ни робости, ни неожиданного смущения – ничего! Только этот знакомый жар от его прикосновений и взглядов. Ну ничего, с этим она как-нибудь справится!

Обойдя протянутую руку, Женя стремительно двинулась к выходу. И по улице летела так, точно Саша гнался следом, обжигая шею горячим обессиляющим дыханием.

Дома она долго намыливала и терла руку, которую он целовал, – как будто на ней могли остаться грязные пятна. Почему-то было стыдно и этого жара, и этой внезапной слабости, словно она предала Семена. Хотя ведь ничего же не произошло! Ничего! Ничего?

7. Что-то теряем, что-то находим

– Ну, Светочка, пора. Беги к ребятам.

– Не пойду.

– Как – не пойду? – изумилась Женя. – Ты же так хотела в школу?

– А теперь – не хочу, – Света упрямо набычилась, надула губы, даже пышный белый бант стал торчать как-то сердито. – Я домой хочу!

Одной рукой она вцепилась в руку матери, другой – в руку отчима. И вжалась между ними, как будто спряталась. Семен Петрович присел перед ней на корточки:

– Ты же только что скакала и радовалась, что уже большая. Что случилось?

Женя отошла к ограде, предоставив уговоры Семену – почему-то Света тянулась к нему куда сильнее, чем к матери, обожала военные байки и слушалась с полуслова.

– Она, – Света мотнула головой в сторону здания школы. – Она серая. И страшная. Как крокодил!

– Вот те раз! Наш дом тоже вроде серый. Ты же не боишься в подъезд заходить?

Девочка немного подумала и помотала головой, мол, не боюсь, потом обернулась на «страшную» школу и кивнула. Одернула пышный белый фартук, подтянула гольфы, потопала, даже подпрыгнула раза два – хорошо ли сидят новые туфельки? Смешно заскакали бомбошки на белых гольфах. Подняла новенький синий ранец, зачем-то понюхала. Женя дома и сама его нюхала, вспоминая детство, – ранец пах остро и незнакомо, но, в общем, вкусно.

– Ладно. Только пусть бабушка пирожков испечет, – донеслось до Жени, заставив невольно улыбнуться. Бабушкой Светочка звала Валю.

Как же, думала Женя, ей сказать-то, что недолго осталось «бабушкиными» пирожками лакомиться. У одинокой Вали неожиданно нашлась троюродная сестра. Да не в Ленинграде, а в какой-то астраханской деревне. Валя проплакала два дня, а потом решила: мол, простите, я с вами, как с родными, жила, но все же – «как». А тут родная кровь, хоть и дальняя. Вот и будем вместе доживать, да и я старые косточки на южном солнышке погрею, и вы когда-нибудь в отпуск приедете. Женя и радовалась за тетю Валю, и печалилась – как теперь без нее, сжились, сроднились.

Первое сентября выдалось солнечным, почти жарким, и чугунная оградка – типично питерская, узорная, блестящая свежей черной краской – была почти горячей. От криков и пестроты кружилась голова и слегка подташнивало. Голову, что ли, напекло? Надо было хоть воды с собой взять. Что-то я совсем расклеилась, подумала Женя. В последнее время она постоянно чувствовала себя не в своей тарелке: не то чтобы больна, но как-то все время нехорошо. То слабость, то в сон клонит, то голова кружится.

Улыбаясь, Женя следила, как Светочка, подхватив ранец, опять заскакала козленком. Семен пристрожил ее:

– Ты уж, Светик, давай поспокойнее. Как за партой-то усидишь?

– Не беспокойтесь, дедушка, – улыбнулась подошедшая учительница. – Все в порядке будет, привыкнет, полный ранец пятерок приносить будет. Да? – она наклонилась к Свете, но та, нахмурившись, отступила, прижалась к Семену Петровичу:

– Это мой папа!

– Ох, извините, пожалуйста! – смутилась учительница. – Ты Светлана? Ну, пойдем, Светлана, за пятерками?

Женя отцепилась наконец от оградки – да что ж в голове-то так смутно? – подошла к ним и прижалась к плечу мужа, глядя, как Света уходит «в новую жизнь». Семен тоже глядел – и как-то печально.

– Ты чего загрустил? – затормошила его Женя. – Расстроился, что дедушкой тебя назвали? Ну их всех, они ничего не понимают, а ты у меня самый красивый и самый молодой.

– Да нет, ничего, – улыбнулся Семен. – Все в порядке. Так, подумалось. Выросла наша девочка. То все только наша была, а теперь – школа, потом институт, а там и замуж. Ну, ладно, это жизнь, все хорошо. А вот ты что-то бледненькая. Голова не кружится? Может, давление?

– Сейчас в медпункт загляну, померяю.

В части Женя сразу отправилась к Яне Александровне.

– Сто двадцать на восемьдесят – хоть в космос, – улыбнулась фельдшерица, складывая старенький тонометр. – Чего это ты вдруг давление кинулась мерить?

– Да голова что-то кружится в последнее время, не пойму, что за напасть.

– Ну вот, сразу и напасть. Может, ты просто беременна?

– Побойся бога, мне до сороковника уже рукой подать!

– И что? Во-первых, еще не сорок, во-вторых, даже сорок – это еще не шестьдесят. Так что давай-ка ты, подруга, к гинекологу. И прямо сегодня, не тяни, все же не девочка, в самом-то деле. Иди у начальства отпрашивайся – я вот тебе направление в поликлинику выписала, чтобы не цеплялись, что в середине рабочего дня срываешься.

Гинекологиня глядела на Женю довольно сурово:

– Беременность семнадцать недель. Не понимаю вашего удивления. Вы вроде такая интеллигентная дама, не какая-нибудь, – она хмыкнула, – подзаборная. И беременность, – она заглянула в карточку, – не первая. А ведете себя, как девочка наивная, которая не понимает, что к чему. Что ж вы, не заметили? За менструациями не следили?

Жене стало стыдно:

– Следила, но... у меня цикл неровный, особенно летом, поэтому как-то... и я думала – наверное, возраст уже...

– Возраст! – фыркнула врач. – Это вы про климакс, что ли?

Женя кивнула.

– Ну какой климакс, дама? Вы что, на пенсию собираетесь? Вам лет-то сколько?

– Почти сорок.

– Да вижу, вижу ваше «почти»! – Она снова зашелестела карточкой. – Нет, надо же! Вы это так говорите, как будто это бог знает какой возраст. И сразу – климакс! Нет, ну бывает, конечно, ранняя менопауза, и в тридцать пять даже бывает. Но, уверяю вас, очень и очень редко. У большинства – в пятьдесят, ну уж не раньше сорока пяти, так что вам до этих радостей далеко, еще пятерых родить успеете. Или еще какие-то симптомы заметили? – ее взгляд стал немного обеспокоенным. – Жар, зуд, в туалет чаще бегать стали? Потому что я пока никаких патологий не вижу, но всякое бывает.

– Нет-нет, ничего такого. Ну, подташнивало, голова кружилась, в сон клонит...

– Ох, дама, вы меня изумляете. Честное слово, с этой работой и цирка не надо! Ведь типичные симптомы первого триместра, а вы? Менструации прекратились – значит, климакс. Ладно, не обижайтесь, – она улыбнулась. – Не так уж поздно вы и пришли, все в порядке будет. Только с анализами все-таки не затягивайте. И за питанием последите, творога побольше,

фруктов, витаминчиков попейте, не повредит. А телосложение у вас отличное, да и ребенок не первый, так что родите – и не заметите.

8. Возвращенная молодость

- Отдайте ее обратно в роддом! Зачем она нам?
- Светочка, ну что ты такое говоришь? Это же сестренка твоя!
- Не нужна мне никакая сестренка! Без нее так хорошо было!

Привыкнув быть в центре всеобщего внимания, Светочка приняла появление маленькой Танечки в штыки, и Женя изо всех сил старалась смягчить ситуацию. Впрочем, почти безрезультатно.

Сама же Танечка проблем не создавала вовсе: ела, спала, гулила, практически не плакала – чудо, а не ребенок, мечта любых родителей. Но Семен Петрович почему-то глядел на малышку почти равнодушно. Помогал, конечно, – погулять, искупать, – но как-то механически, безрадостно.

Впрочем, он теперь все делал безрадостно. Уйдя в отставку сразу после рождения Танечки, бравый полковник как-то в одночасье постарел: погасли глаза, опустились плечи. Как будто вместе с работой закончилась и жизнь, как будто он решил, что никому теперь не нужен. Как ни старалась Женя расшевелить мужа – и готовила самые любимые блюда, и на прогулки вытаскивала, и пеньюары легкомысленные надевала, – Семена, казалось, ничто не трогало.

«Да и чего удивляться? Мне все эти рюшечки, как корове седло», – думала Женя, грустно глядя в зеркало. После родов она опять изрядно растолстела, и если после Светочки лишние килограммы выглядели завлекательными округлостями, то теперь тело стало рыхлым, живот нависал фартуком – ужас, какие уж тут пеньюары. Семену же, кажется, было все равно: он уныло дотягивал очередной день, бухался в постель и отворачивался к стенке.

Женя разрывалась между заботами о маленькой Тане и ревностью Светы, жалела себя и мужа, но придумать так ничего и не могла: как можно помочь человеку, который сам себе стал не нужен? Работу бы ему какую-нибудь найти, с тоской думала она, видя его безнадежные, как пеплом припорошенные глаза. Но как подсказать? В их доме все и всегда решал мужчина. Шесть лет, господи, шесть лет мы были так счастливы, что же делать? А вдруг еще и запьет, как Виктор?

Семен Петрович, отставной полковник, сильный мужчина, привыкший жить по принципу «я отвечаю за все», винил во всем себя. Но от этого было только хуже. Он глядел на себя как будто со стороны: фу, размазня старая, совсем раскис – и еще глубже погружался в депрессию. В сторожа, что ли, пойти? Сидеть у заборчика в овчинном тулупе с ружьишком и собакой – и выть вместе с ней на луну!

Объявление «требуется завхоз» висело на воротах школы в трех кварталах от дома. А что? Ну, завхоз. Все-таки не сторожем, да и на людях. Давай, Семен, прикрикнул он сам на себя, сделай уже хоть что-нибудь, пошевелись, пока жизнь совсем не развалилась!

Директриса Галина Аркадьевна, статная суровая дама лет пятидесяти, взглянув на его документы, разохалась:

- Полковник? Завхозом?
- Что, не гожусь? – горько усмехнулся Семен Петрович.
- Да что вы! – она всплеснула руками. – Просто неприлично как-то. Послушайте, Семен Петрович, вы ведь военную академию заканчивали?
- Тью-у, когда это было! – присвистнул он.
- Ну, навык, говорят, не пропешь, – улыбнулась директриса. – А вы вроде и непьющий.
- Чего нет, того нет, – согласился Семен Петрович, не понимая, куда она клонит.
- Спасите меня, а? – дама глядела на него с непонятной надеждой.

– В каком смысле? – растерялся он.

– Математичка у меня, представляете, в декрет ушла! И не видно ничего было, а тут вдруг – раз, извольте радоваться! Посредине учебного года! Все классы по другим преподавателям распределили, а седьмые – два седьмых у нас – ну никто взять не может! Расписание-то не резиновое, учителей не сто человек. Я ж не могу седьмые классы к девятым подсадить! Или сделать им математику восьмым уроком – меня тогда гороно в Неве утопит.

– Но я-то чем могу помочь? Математику им преподавать? – пошутил Семен Петрович.

Но Галина Аркадьевна вовсе не думала, что это шутка:

– Ну да! Образование у вас, хоть и военное, но техническое. А военное – так даже и лучше, вы же командовать умеете! У нас, конечно, дети, это совсем не то, что солдаты, но принцип-то тот же, а? И ведь всего-то седьмой класс, не десятый! Вот взгляните в учебник, – она споро вытащила откуда-то потертую книжку, распахнула и подсунула, глядя на него умоляющими глазами. – Это же для вас не трудно?

Он полистал учебник:

– Чего ж тут трудного? Детский сад.

– Ну вот, – просияла директриса. – А управиться с ними вы точно сможете. Тем более у нас тут женское царство, а вы мужчина, да еще и полковник! Да они вам в рот глядеть станут и на цыпочках ходить! Выручайте, а?

Работа увлекла Семена сразу. Через месяц он уже не понимал, как жил без этих горящих детских глаз, без неистощимых вопросов, без шалостей в конце концов. Семиклассники его обожали. А уж когда на базе старенького грузовичка, пятый год гнившего в пришкольном сарае, он с благословения Галины Аркадьевны организовал автокружок, даже независимые старшеклассники признали: новый учитель – мужик что надо!

А вот находиться в «женском царстве» было нелегко. Семен Петрович воспринимал «коллектив» как многоголовую гидру с женскими лицами: молодыми, постарше, совсем пожилыми. И на каждом – сладкая улыбка! И все – готовы помочь: Семен Петрович, давайте покажу новые формы учебных планов, Семен Петрович, из роно методички прислали, я вам принесла, Семен Петрович...

И еще – вечные пирожки: вот, мол, вчера напекла, не побрезгуйте, от чистого сердца. Ну почему, почему всегда пирожки?! В крайнем случае – печенье. Хоть бы одна принесла, к примеру, воблу!

От пирожков он неизменно отказывался, на улыбки отвечал вежливо, но сдержанно – держал дистанцию. Хотя к концу рабочего дня от приторной внимательности коллег начинало немного подташнивать.

Семен Петрович радовался, что хотя бы дома его не пичкают выпечкой: Женя мужнины вкусы знала хорошо и постоянно баловала его то запеченным судаком, то настоящей солянкой, то домашними пельменями. Хуже, что, уставая от «женского царства», он и Женю теперь воспринимал почти как его часть, как еще одно женское лицо. Впрочем, искренне увлекшись работой и чувствуя, что и в мысли, и в тело вместо надоевшей размягчающей депрессии возвращается привычная бодрость, Семен думал, что и дома все как-нибудь постепенно наладится. В конце концов, вал приторной любезности, так утомлявший его в первое время, пошел-таки на убыль: школьные дамы привыкли к «дистанции» и поуспокоились. Разве что две-три еще продолжали совершать «проверки боем». Особенно старалась Кира Григорьевна, преподаватель русского языка и литературы. Пирожков она, к счастью, не носила, но наряды меняла с редкой изобретательностью и на глаза попадалась как-то неправдоподобно часто. И все как будто с поводами, не просто так.

– Семен Петрович, у Галины Аркадьевны день рожденья, останьтесь, посидите с нами! А то даже шампанское некому открыть!

Он старался от таких приглашений отказываться, но к Галине Аркадьевне испытывал самое искреннее уважение и потому согласился. Директриса, однако, отсидев во главе стола ровно десять минут, сообщила, что ей еще справку для гороно готовить, сказала «повеселитесь за меня» и распрощалась.

А его, конечно, уже не выпустили: Семен Петрович, надо стол еще немного подвинуть, Семен Петрович, надо шампанское открыть – и так далее, и тому подобное.

Он устроился в самом углу, чтобы хоть как-то избежать всеобщего внимания, но не тут-то было. Кира Григорьевна – ой, да что вы, давайте просто Кира! – заняла соседний стул и повела осаду по всем правилам: подкладывала ему закуски, стреляла глазами, заливисто смеялась, демонстрируя нежную шею, сыпала комплиментами – ах, вы такой сильный, ах, настоящие мужчины нынче так редки, ах, ах и ах!

Семен, непривычный к столь откровенным заигрываниям, чувствовал себя несколько странно – в военной части немногочисленные женщины, избалованные своей посреди мужского окружения избранностью, вели себя по-королевски и ничего подобного себе не позволяли. Да что греха таить, внимание юной – на вид не больше двадцати пяти – Киры льстило мужскому самолюбию. Льстило, но в то же время и корбило: ухаживать – дело мужское. И ладно бы еще одинокая была, а у нее муж и ребенок в личном деле указаны.

Начав работать, Семен Петрович тут же по военной привычке «провел рекогносцировку» – изучил весь кадровый архив, все личные дела. Не положено, конечно, но директриса, понимая, насколько непросто будет новому преподавателю в «женском царстве», не возражала. Даже наоборот: пусть ознакомится, хоть будет знать, кто что собой представляет. Галина-то Аркадьевна вверенный ей коллектив представляла очень даже хорошо: сейчас все начнут губки выпячивать да глазки долу опускать, изображая принцесс на выданье – даже те, у кого уже чуть не внуки. Да еще и перессорятся все из-за «завидного жениха», и наплевать, что «жених» уже женат, что дети у него – зато «ка-а-акой мужчина!». Нет, она вовсе не осуждала своих «девочек», она их жалела: работа в чисто женском коллективе – физрук не в счет – порождает что-то вроде авитаминоза. Витамина «М» не хватает, как она это для себя называла. Но и проблем в школе не хочется. Нет уж, пусть «завидный жених» посмотрит личные дела и будет во всеоружии.

Семен мысленно поблагодарил мудрую директрису и усмехнулся:

– А мужа вы к настоящим мужчинам не причисляете?

– Му-у-уж? – капризно протянула Кира. – Муж обьелся груш. Тряпка, а не мужчина. И вообще алкоголик.

– Вот как? – усмехнулся Семен Петрович. – Как же вы с ним живете, а за глаза так... ругаете?

– Ну... – Кира картинно повела округлым плечиком. – Мама давно настаивает, чтобы мы развелись, но страшно как-то. Одной, без всякой поддержки оставаться, – она вздохнула, слегка откинувшись на спинку стула, так, чтобы грудь выделилась порельефнее. – Вот если бы рядом появился сильный мужчина, на которого можно положиться, – она придвинулась к Семену вплотную. – Надежное мужское плечо – это так важно, так необходимо...

Семен, чувствуя, как к его «надежному мужскому плечу» все сильнее прижимается пышная грудь соседки, почти растерялся: и отодвинуть бы ее надо, и обижать не хочется. Да и приятно, что греха таить. Даже очень приятно. Давно уж он ничего такого «остренького» не чувствовал. Но «дистанцию» все-таки попытался удержать:

– Кира Григорьевна, мы ведь просто вместе работаем, ничего больше.

– Да ла-а-адно, – она томно прикрыла глаза. – Вы ведь без жены пришли, значит, с нами вам приятнее.

Попытка сохранить официальность бесславно провалилась, подумал Семен Петрович и ушел в «глухую оборону»:

– Ну, во-первых, вы сами меня приглашали, и очень настойчиво. Во-вторых, никто из вашего коллектива мужей тоже не привел, значит, здесь это не принято. А главное, я без жены, потому что нам просто не с кем маленькую оставить. У нас младшая еще грудная.

Он намеренно повторял «нам», «у нас», но Кира старательно не обращала на это внимания:

– Грудная? – она ненатурально распахнула глаза, как бы в изумлении. – Я думала, у вас дети моего возраста. Вы такой... взрослый, такой сильный.

– Кира Григорьевна, – он старательно выговаривал имя-отчество, все пытался «держать дистанцию». – Мне домой пора.

– Но ведь вы меня проводите? – «попросила» она тоном уверенной в себе соблазнительницы. – У нас такие темные дворы...

Черт бы побрал и эту мужскую ответственность, и эти правила вечной игры, где женщина как бы слабая, а мужчина как бы защитник. Нельзя же сказать «сама дойдешь», он же «настоящий мужчина»!

Когда Семен подавал ей пальто – еще одно дурацкое правило все той же игры, – Кира ухитрилась еще раз к нему прижаться – сильно, гибко, всем телом. И это опять было, черт побери, приятно. В голове замелькали жаркие непристойные картины. Свежая, молодая, и вульгарность только добавляет ей притягательности.

На крыльце Кира демонстративно оступилась, вцепилась в его локоть, опять приникла, прилегла всем телом, как бы говоря: «Ну вот она я, совсем близко, совсем доступно, ты же мужчина, возьми».

С Невы налетал холодный ветер, и в голове прояснело. Алкогольный жар развеялся, мысли обрели привычную ясность. И где-то в глубине сильной темной рыбиной прошла Кирина фраза: «Я думала, у вас дети моего возраста».

Вот оно!

Семен вспомнил ту давнюю новогоднюю ночь, вспомнил, как он обнимал Женю, и баюкал, и боялся потревожить. Как будто они были не мужчина и женщина, а отец и дочь...

Кира все продолжала цепляться за его руку, прижималась, щебетала что-то с горловым соблазнительным хохотком, но Семен ее уже почти не замечал. Даже странно как-то было – кто эта почти незнакомая, неприятно настырная девица, что изо всех сил вешается ему на шею, и смеется призывно, и губки облизывает остреньким язычком? Семену вспомнилось, как во время службы в Германии приятель из посольства – культурой он, что ли, заведовал? – вытащил его из добропорядочно-социалистического Дрездена в Западный Берлин. Собственно, Западный Берлин тоже был вполне добропорядочен, но там имелся вполне буржуазный «квартал красных фонарей». Тамошние девицы вот так же хватали за локоть, прижимались, похаживали, губки облизывали – завлекали. И пахло от них так же – до приторности сладко и душно. Тьфу, пакость! Семен тогда так никого и не выбрал – от врожденной брезгливости. А посольский приятель потом долго его поддразнивал за такое «пуританство».

У Кириного дома Семен было приостановился, но пришлось провожать до квартиры – как же иначе, ах, у нас там вечно какие-то приبلудные хулиганы, и соседи ужасные, страшно!

Никого там, ясное дело, не оказалось. В подъезде Кира тут же полезла целоваться, как бы не в силах сдержать налетевшую страсть. Но Семен твердой рукой отстранил ее, довел до квартиры и попрощался вежливо и равнодушно:

– До свидания, Кира Григорьевна!

– Пока, папочка, – презрительно бросила она и хлопнула дверь.

«Вот интересно, – подумал Семен, – она меня к себе тащила, а там же вроде муж должен находиться?» Как она себе это представляла – почти что на глазах у супруга? Или мужа уже куда-то сплавить успела? Впрочем, наплевать! Что ему Кира Григорьевна с ее страстями. Домой!

В спальне было темно и тихо. Даже Жениного дыхания было не слышно. Спит?

Скользнув под одеяло, Семен, против обыкновения, не отвернулся к стенке, а разлегся на спине, закинув руки за голову – широко, вольно, даже слегка задел Женины волосы, так что по коже пробежала тревожная дрожь.

Уж конечно, она не спала. Легко, едва касаясь, провела пальцами по его шее. Семен слегка дрогнул плечом, как бы придвигаясь, но ничего не предпринял, предоставляя инициативу ей. Первые робкие ласки сменились более настойчивыми, к пальцам добавились губы, язык... Семен почувствовал, как пробуждается желание, как все, все тело наполняется жаркой силой, – но по-прежнему не шевелился, только принимал, только впитывал кожей, нервами, всем телом тот жар, которым она так щедро с ним делилась.

Вот ведь какая штука-то! Он всегда считал, что атаковать – дело мужское, и ухаживать – дело мужское, и ласкать, и разжигать! А тут отдал это право ей – и оказалось, что это так сладко, так томительно и так остро! Подумаешь, лишние килограммы! Какие же они лишние – они делают ее тело таким мягким, таким родным, таким... своим! От нее пахло молоком и еще чем-то – тайным, темным, терпким.

А она все трогала, и гладила, и целовала, и разжигала – и уже сил никаких не было терпеть дальше! А пожар все разгорался, все выше, все сильнее, все веселее гудело жаркое темное пламя!..

Он достиг вершины чуть раньше и с незнакомым острым наслаждением еще следил за ее последними содроганиями.

С коротким хриплым всхлипом Женя прижалась к его плечу. Плечу стало мокро. Любовный пот? Слезы?

– Не плачь, родная! – Семен сильно прижал ее к себе и уловил еле слышный шепот:

– Ты вернулся.

Смутившись, он попытался отшутиться:

– Да я вроде каждый день возвращаюсь, куда ж я денусь-то.

Не отрываясь от его плеча, Женя помотала головой:

– Нет. Ты давно уже... А я... я ничего не могу...

– Ничего себе «ничего»! – Семен повел плечами, усмехнулся – все мышцы гудели сладкой истомой – и, приподнявшись, поцеловал ее грудь. Женя сдавленно ахнула:

– Семен! Я... у меня сил больше нет!

– Это у меня сил больше нет! – грозно зарычал он. – Потому что ты не дала своему старому мужу спокойно поспать. А муж у тебя уже старенький, его нужно холить, лелеять и беречь!

Он прижал Женю еще крепче и захохотал от острого ослепительного счастья. Удивительно, но даже в далекие, почти забытые времена, когда он, двадцатилетний пацан, жадно глядел на проходивших мимо училища девочек, – даже тогда он не чувствовал себя таким сильным и молодым!

Света

1. Не хуже других!

В институт с первого раза она, конечно, не прошла. И, главное, никого в семье это, похоже, не взволновало. Ну конечно, всхлипывала Света, мать всегда говорила: «Танечка у нас беспроблемная!» Сперва Света еще переспрашивала: «А я, мамочка, проблемная?» – потом перестала. Поняла.

Танечка росла красоткой. А она, Света... нет, не то чтобы совсем уродина, вроде Инны Чуриковой, но – никакая. Тонкие губы, покатый лоб, глаза какие-то невразумительные. Фигура не толстая, но квадратная, как будто не женская. Вот волосы только хороши: густые, пышные, по-настоящему роскошные. Зато ноги – она зло взглянула на ненавистные конечности – тридцать девятый размер с толстыми, как колонны, щиколотками. Широкая кость, черт бы ее побрал!

Семен Петрович старался ее приласкать, повторял «ты моя умница», но от этого было только хуже. Умница! Будь хоть семи пядей во лбу, хоть двадцать раз отличницей, а кому это нужно с такой, с позволения сказать, внешностью? Тут не то что замуж – а воспитание приучило ее к тому, что женщина может быть полноценна только в браке, – тут на свидание-то никто не позовет.

И что остается? Только доказывать, что она, умница, ничуть не хуже красавицы Таньки? Учиться, учиться и еще раз учиться? Умница! Даже в институт поступить не смогла!

И Сергей, который подошел к ней, когда она плакала в институтском сквере после вступительных экзаменов, – он просто ее пожалел и, конечно, больше не позвонит. Тем более, он старше, зачем ему такая уродина, да еще и дура?

Но он позвонил. И даже на свидание пригласил – невероятно! Может, жизнь еще и не кончена?

На самом деле в Светиной внешности не было ничего такого, что нельзя было бы исправить умелым макияжем и грамотно подобранной одеждой – идеальных красавиц мало, остальные как-то так обходятся, и ничего, – но в семнадцать лет собственная некрасивость, даже надуманная, разрастается до масштабов вселенской катастрофы.

Ведь что-то же Сергея в ней привлекло? Искренность? Порывистость? Благодарность за малейший знак внимания? Во всяком случае, роман их развивался стремительно, и ранней осенью Света привела его к себе домой, сообщив гордо:

– Знакомьтесь, это Сергей, мой муж!

Но, победив в брачной гонке – и я не хуже других, и я замужем! – она вовсе не собиралась прощаться с карьерными амбициями: днем работала, а по вечерам и в выходные сидела над учебниками, заставляя себя не замечать ни слипающихся от постоянного недосыпа глаз, ни гадкой, непрекращающейся тошноты...

В институт она поступила на следующий год, сразу после родов, бегая на экзамены и консультации между кормлениями. Женя, как военнослужащая, вышедшая на пенсию рано, не отказывалась посидеть с крошечной Яночкой, но губы поджимала недовольно. А Сергей заявлял в открытую:

– Куда рвешься? Посидела бы с ребенком хоть год!

Света так гордилась, увидев свою фамилию в списке принятых, так надеялась, что дома услышит:

– Умница наша! И работала, и беременная готовилась, и прошла!

Но – увы! Домочадцы, хоть и не выражали своего неодобрения вслух, но молча поддерживали Сергея. Только отец вечером, после семейного обеда, погладил ее по голове и прошептал, как раньше:

– Умница моя!

Но Семен Петрович уже сильно сдал, и семью фактически возглавляла Женя.

Поплакав и стиснув зубы, Света опять с головой погрузилась в учебу. Да еще – зарплаты Сергея молодой семье не хватало – работала по ночам, вновь и вновь доказывая неизвестно кому, что она ничуть не хуже всеми любимой Таньки! «Я на работу собираюсь, а она только домой возвращается – вроде с подружками гуляла!» И хорошо еще, если с подружками: в Питере появились первые ночные клубы, а Свете пару раз показалось, что от сестры попахивает спиртным.

Ну и хорошо, думала она, поглядим, до чего Танька со своей красотой докатится, если в таком возрасте уже к алкоголю прикладывается! Нет, Света вовсе не желала сестре зла. Но – и добра тоже. Разве можно желать добра тому, кто самым видом своим демонстрирует: ты – хуже!

К счастью, вскоре им с Сергеем досталась – в наследство от какой-то его троюродной бабушки – квартира. Это было какое-то невероятное везение! Однокомнатная, крошечная, но своя собственная! Светлана, счастливая от того, что сестра больше не мозолит ей глаза, забыла о ней и думать, со страстью погрузившись в хозяйственные хлопоты. Впрочем, хватило ее ненадолго. Уже через месяц она заявила:

– Все, хватит. Я не кухарка и не уборщица! Мне институт нужно закончить, и работа перспективная появилась. По специальности, не то что раньше.

Сергей сперва опешил, но быстро почувствовал, что не удивляется. Как только Света доказала себе, что на брачном фронте она ничуть не хуже других – пожалуйста, вот муж, вот ребенок, все, как положено, – тут же главным и даже единственным ее интересом стала карьера, все прочее было в ее глазах второстепенным, незначимым.

Если бы не помощь Жени, он бы не справился. Сергей называл свою тещу «самой самоотверженной бабушкой в мире», и это была вовсе не шутка. Женя готовила на две семьи, стирала, убирала, занималась с Яночкой. На ней держались оба дома. А Сергей все чаще и чаще задерживался на работе. То есть это так называлось – «на работе».

2. Татьянин день

На дне тяжелого фирменного стакана – ресторан «Дива» был не из дешевых – тягуче переливалась лужица виски. Сергею нравился запах виски, нравилось глядеть, как бледно-желтая жидкость маслянисто обволакивает толстое стекло. Красиво. Как всегда. «Мне скучно, черт! – Что делать, Фауст?» Гётевская цитата, застрявшая в памяти со школьных времен, теперь приходила на ум с нудным постоянством. Даже странно. Вроде молодой здоровый мужик, с ногами, с руками, с головой, с образованием – и скучно.

А что делать? Напиваться противно. Работа? Ну да, нормальная у него работа, и платят вполне прилично, но так, чтоб с головой захлестывало, чтоб не оторваться – чего нет, того нет. Карьеру делать? Пахать на износ, чтобы после работы только одна мысль – как побыстрее в койку упасть и заснуть вмертвую? А с утра – опять упираться, штурмовать карьерные высоты, цепляться ногтями и зубами? Вон как Светка? Банкирша, черт бы ее побрал! Диплом на год раньше защитила, по служебной лестнице через ступеньку шагает. Начала с пятого помощника младшего дворника, а теперь, глядишь, не сегодня завтра в совете директоров будет заседать, а там и совладелицей банка станет. Не женщина – танк в юбке. Хотя выглядеть стала не в пример лучше, тут не поспоришь. Как только поняла, что невзрачная серая мышка никого своими талантами – даже самыми-самыми – не заинтересует, тут же и одеваться научилась, и косме-

тикой пользоваться. Не красавица, конечно, но – как это называется? – интересная женщина. Весьма интересная. В общем, selfmadewoman – сама себя сделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.